

УДК 316.624.2

Л. И. Кемалова.

**ФЕНОМЕН И СУЩНОСТЬ МАРГИНАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
(к постановке проблемы)**

«Маргинальность» – понятие с мерой неопределенности в междисциплинарном дискурсе, ибо маргинальная проблематика только заявила о своей актуальности в связи с изменившейся ситуацией в постсоветском пространстве.

Актуальность заявленной проблемы связана, во-первых, с нерешенностью ряда теоретико-методологических проблем, касающихся непосредственно самого феномена «маргинальности» и, во-вторых, с социально-практической значимостью его проявления в условиях модернизирующегося общества.

Наиболее резкие перемены коснулись социально-профессиональной структуры, уровня жизни и ценностных ориентиров. Происходящие изменения настолько глубоки и масштабны, что можно вести речь о ситуации социокультурного разрыва, преодоление которой означает формирование новых оснований для социальных связей и структур.

Необходимо признать, что наибольший интерес представляет понимание маргинальности как явлений пограничности и переходности, обусловленных формированием нового социального качества трансформирующейся социальной структуры. Исследование этого явления настоятельно требует отказаться от негативной его интерпретации. Негативный или позитивный смысл имеют только социальная направленность маргинальных процессов, их конструктивные и деструктивные последствия.

Исследование маргинальности каждый раз требует уточнения основных критериев. Универсальными можно признать состояние перехода, определяемого как кризис; невключенность или неполную включенность индивида или группы в стабильно существующие структуры; разрушение прежних ценностных ориентиров, или отсутствие норм, определяющих должное поведение в новой ситуации [1, с. 26]. Есть еще один важный момент, о котором необходимо помнить при исследовании феномена маргинальности. Новое время перемен уникально. Оно рождает новые типы «маргинального человека». Это иммигрант, борющийся за свое существование в чужой стране, это изгой, отброшенный на обочину жизни в своей стране, это бунтарь, интеллеktуал-одиночка, восставший против косных порядков. При всем различии этих типов в них есть общее – существование на пределе, переломе цельности бытия.

Следовательно, маргинальный человек – воплощение противоречий времени,

символ трансформации общественных отношений, а понятие маргинальности – как некая общая метка, которая помечает кризисные времена.

Поэтому рассматриваемая проблема с полным основанием может быть отнесена к одной из важных проблем политологии и социальной философии.

В условиях Украины всестороннее исследование феномена «маргинальности» и процесса маргинализации требует от исследователей адекватной оценки нынешнего состояния общества, исследования причин маргинализации, разработки практических мер по социализации маргинальных слоев, что позволит выработать парадигмы социальной направленности проводимых реформ.

Каковы же источники и формы маргинализации? Какова эволюция маргинализации? Возможна ли демаргинализация общества?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо:

- раскрыть содержание феномена «маргинальность», определив теоретико-методологические подходы к его исследованию;
- проанализировать основные причины маргинализации населения в Украине в контексте происходящих перемен в обществе;
- выявить особенности проявления феномена маргинальности в современных условиях и наметить пути преодоления маргинализации общества.

Несмотря на множество попыток определить, что такое маргинальность, устойчивой дефиниции ни у нас, ни за рубежом не существует. Как отмечает А. Атоян, суть главной ошибки концепций, основанных на структурно-функциональном анализе при объяснении маргинальности, «состоит именно в том, что в ней видят простой факт дезорганизации системы, ослабление ее функций. Это способствует маргинализации, но не порождает ее» [2, с. 30].

По мнению А. Атояна, под маргинализацией следует понимать последовательный и параллельный разрыв пространственных, экономических, политических и других связей индивидов или общностей с нормами социального целого. «Маргиналы не люди сами по себе, а их связи и отношения, ослабление, деформация или отсутствие которых и вызывает, в конце концов, феномен маргинальности» [2, с. 30].

Рассмотрение генезиса понятия «маргинальность», выявление различных подходов к его трактовке и определение многослойности содержания феномена маргинальности можно осуществить через анализ основных школ маргинализма: американской и западноевропейской.

Традиции, сложившиеся в рамках каждой из них, предопределяются теми проблемами общества, которые в свое время пытались решить исследователи, используя понятие «маргинальность».

Американские исследователи Р. Парк и Э. Стоунквист, описав внутренний мир «маргинальной личности», заложили традицию психологического номинализма. Для них базой маргинальности был культурный конфликт. По мнению Р. Парка, «маргинальный человек» – это индивид, который находится на границе двух различных, нередко конфликтующих между собой культур. Р. Парк подчеркивает, что маргинальная личность есть продукт естественного культурного процесса,

расширяющегося взаимодействия культур. Такая позиция оставляет открытыми вопросы: является ли маргинал пределом социальной эволюции и достаточно ли социокультурной адаптации для преодоления маргинальности?

Анализируя миграцию, Р. Парк пессимистически оценивал культурных «гибридов», но не потому, что мигрант-маргинал не может порвать со своим прошлым и адаптироваться к новой культуре, а потому, что сами культуры взаимонепроницаемы, и нельзя остаться на их рубеже. Рано или поздно придется принять ту или другую или создать нечто третье.

Пессимизм Р. Парка по поводу непроницаемости культур оспаривает Э. Стоунквист, издавший в 1938 г. в Кембридже книгу «Маргинальный человек». Если Р. Парк утверждал, что маргинал чужд обеим культурам, то Э. Стоунквист считал, что он адаптируется постепенно к существованию в обеих культурах (например, в европейской и неевропейской). Слабость позиции Э. Стоунквиста состоит в том, что указанная адаптация может быть следствием европеизации, т.е. трансформации неевропейских социокультурных структур по европейским образцам или особой формы двойного существования, когда общество включает различные уклады, структуры и элементы разных способов производства, образов и стилей жизни, не связанных в систему.

Но опровержения Р. Парка Э. Стоунквистом оказались несостоятельными, ибо европеизации в смысле демаргинализации не произошло. Маргинализация лишь доказывает, что принадлежность или непринадлежность к обеим культурам – формальный признак, зависящий от ориентира исследования.

Сознание маргинального субъекта опирается и на общественное сознание соответствующей макрообщности, которая выступает условием маргинального бытия. «Маргинал возможен в таком сообществе людей, которое заинтересовано прямо или косвенно в его конкретно-историческом существовании [2, с. 191].

Введение Р. Парком и Э. Стоунквистом в 30-е гг. XX века в научный оборот понятия «маргинальность» было впоследствии разработано и расширено такими исследователями, как В. Ж. Манчини, А. Антоновски, Е. Хьюж, Т. Виттерманс, И. Краус, Т. Шибутани.

В отличие от американской, западноевропейская школа сосредоточивает внимание на исследовании структурной маргинальности. Она рассматривается как неизбежное следствие развития экономической системы. Основная причина развития маргинальных процессов в развитых странах – кризис занятости. Особенности современного процесса маргинализации в странах Западной Европы связываются, прежде всего, с глубокой структурной перестройкой системы производства в постиндустриальных обществах. Подобный подход представлен такими исследователями, как Ж. Кланфер, Ж. Леви-Стрэнже, П. Розанваллон, Ж.-М. Кьеро и др. [см. 3].

Понимание и использование понятия «маргинальность» в отечественной науке было связано с одномерным пониманием социальной структуры советского общества, где процесс маргинализации отождествляется с деклассированием и ломпенизацией.

В период перестройки, когда кризисные процессы вынесли эту проблему на

поверхность общественной жизни, феномен маргинализации осознается как атрибут постсоветской действительности.

В настоящее время проблема маргинальности рассматривается отечественными исследователями по следующим направлениям:

- теория и история маргинальности (З.Х. Галимуллина, З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова, И.П. Попова, Е. Рашковский, А. Фарж, Н.А. Фролова);
- выявление маргинальных групп в социальной структуре (В.Б. Голофаст, Е.С. Балабанова, В. Жиромская, С.С. Макеев);
- исследования маргиналов и социального дна (Н.М. Ромашевская);
- рассмотрение проблемы социализации маргинальной личности (Ю.М. Плюснин);
- выработка понятия маргинальности в контексте изучения молодежных субкультур (Д. В. Петров);
- исследование проблемы аксиосферы маргинального (И.М. Гордиенко-Митрофанова);
- трактовка маргинальности как пограничности, промежуточного положения личности по отношению к каким-либо социальным общностям (Н. Харченко);
- характеристика маргинальности как типа мышления человека, неспособного к ассимиляции культурных ценностей и традиций, как личности на рубеже культур (В. А. Шапинский, Е. Н. Стариков, Т. Х. Керимов);
- многофакторный подход к феномену маргинальности предлагает А.А. Амирова.

Она выделяет:

- нижний слой – пауперы (люмпены, находящиеся на социальном «дне»);
- средний слой – обычная или простая маргинальность, где возможны длительное «зависание»; переход из среднего слоя в нижний; или переход из среднего слоя в верхний;
- верхний слой – «новые, или креативные маргиналы», для которых характерна мобильность или высокая степень адаптации к социальной среде и социальной стратификации [4, с.11].

Понятия «маргинальность», «маргинальная ситуация», «маргинальная группа» достаточно многоплановы. Процессы: «маргинализации» и «демаргинализации» можно попытаться объяснить с помощью социальной теории, которая акцентирует внимание на динамическом характере социальных процессов. Такие объяснения предлагает конструктивистская социальная теория, опирающаяся на феноменологию – одно из самых влиятельных философских направлений XX века.

Потребность рассмотрения маргинальности с точки зрения конструктивизма исходит из обусловленности этого явления контекстом рассматриваемой ситуации: то, что является «маргинальным» в одном обществе, является «общепринятым» в другом и «девиантным» в третьем. Кроме того, то или иное состояние человека может быть по-разному воспринято им самим и его окружением и иметь разные последствия для участников взаимодействия. Например, индивид или группа могут принимать или не принимать «маргинальный статус», навязываемый обществом. Поэтому, наряду с объективными условиями, важно рассмотрение субъективных определений данной социальной ситуации ее участниками.

Таким образом, конституирование маргинальности можно рассматривать как

формальную активность сознания, которая задает форму, способ явления предмета в сознание и дает нам мир, окружающий нас, именно таким, каким мы его видим, переживаем.

Важным условием и целью существования социума является его стабильность. Одной из угроз стабильности внутри самого социума являются всевозможные «отклонения» – несоответствие общим стандартам. Маргинальность как «отклонение», «нетипичность» перекликается с понятием «девиантности». Эту взаимосвязь можно представить в виде схемы:

Интегрированность □ Маргинальность □ Девиантность.

Такое положение маргинальности позволяет характеризовать ее как «потенциальную угрозу» стабильности, которая не носит прямой антисоциальной направленности, но угрожает косвенно. Примером такого промежуточного положения между интегрированностью и девиантностью является андекласс (underclass) на Западе. Его маргинальность обусловлена, во-первых, «выпадением» из общепринятых социальных иерархий и, во-вторых, поведенческим несоответствием ценностям доминирующей культуры при том, что на словах декларируется приверженность им.

Процесс маргинализации идет по двум направлениям:

1) Маргинальность извне обусловлена обществом.

Общество приписывает индивиду, группе, явлению статус «маргинальных», что означает возведение барьеров для интеграции чужаков в социум. «Социальные группы провоцируют отклонения для чужаков, наклеивая на них ярлык аутсайдеров» [5, с. 61].

2) Маргинальность изнутри определяется мерой самоидентификации. Маргинальная самоидентификация основывается на чувстве собственного несоответствия «норме». Типичными реакциями на навязывания «маргинального статуса» являются чувство вины или декларирование своей «особости».

Маргинал, как правило, нуждается в «подобществе», где бы он являлся типичным и где было бы принято его определение реальности. Подобщество служит маргиналу эмоциональным прибежищем. Функцию таких подобществ выполняют этнические и религиозные общины, общественные организации. Для подобщества важно не только «собрание» людей со сходными характеристиками, но и разработка процедур защиты своей реальности от угроз ее уничтожения извне (например, для религиозной секты элементом такой защиты выступает самоизоляция). Ярлык маргинала можно снять, изменив социальное окружение, покинув страну отчуждения.

Маргинальная ситуация как состояние перехода, смены социальной позиции и обстоятельств жизнедеятельности порождает феномен жизненных трудностей, преодоление которых требует определенных усилий. Одной из реакций людей на маргинальную ситуацию являются *защитные механизмы* (уход в фантазии и грезы вместо реальных действий). Хотя действие защитных механизмов способно избавить человека от болезненных мыслей и чувств в конкретной ситуации, их систематическое использование приводит к дезадаптивным эффектам [см. 6].

Понятие «защитный механизм» использовалось раньше только в клинической

психологии, как аспект невротизации личности [см. 7]. Сегодня в это понятие вкладывают более широкий смысл. В качестве критерия защитного поведения берут иллюзорный характер решения жизненной проблемы: уход в фантазии вместо поиска решения проблем, обесценивание интересов вместо их отстаивания.

Другой формой реагирования на маргинальную ситуацию является «*выученная беспомощность*». Она связана с реакцией отказа, выхода из игры, если человек убеждается в бесполезности своих усилий [см. 8]. Здесь роль играет то, как человек объясняет себе рядовые неприятности или серьезные поражения, определяет, сколь беспомощным или энергичным он будет. Стиль объяснения влияет на состояние психического здоровья, уровень успехов в профессиональной деятельности. Пессимистический стиль объяснения, провоцирующий беспомощность, находится в одном ряду с такими факторами дезадаптивного поведения, как иррациональные убеждения и формирование мыслей, искажающих действительность.

Противопоставлением «*выученной беспомощности*» может быть *самоэффективность*, где важным является различие между убежденностью в результативности некоторых действий и верой в свою способность совершить эти действия. Ожидание собственной эффективности влияет на характер поведения в конкретной стрессовой ситуации: будет ли человек преодолевать ее или избегать. Понятие самоэффективности демонстрирует роль самосознания в реагировании на маргинальную ситуацию. По мнению многих авторов, преодоление легких кризисов, обусловленных динамикой общественной жизни, определяется особым сплавом индивидуального опыта, мотивации, отношения к себе и другим.

Другим противопоставлением «*выученной беспомощности*» является *поисковая активность*. Это – действия, направленные на изменение ситуации, когда отсутствует определенный прогноз ее исхода и субъект не может быть уверенным в результатах своего поведения, но, тем не менее, он ищет выход из тупика [см. 9]. Рассматриваемое понятие хорошо вписывается в модели миграционного поведения. Например, ориентация на поиск новых сведений о возможностях существования, готовность к перемене социальных групп, занятий.

Сегодня чрезвычайно важно поставить вопрос о том, как осуществляются индивидуальные стили поведения человека в маргинальной ситуации, ибо не только условия трансформации общества «виноваты» в появлении маргинальных личностей, но и отдельные личности предрасположены к принятию маргинальной ситуации. В этом случае уместно вести речь об акцентуированных личностях, которые восприимчивы к разного рода переменам и по-особенному реагируют на маргинальную ситуацию.

В 1866 году В.М. Бехтерев упоминал о «переходных ступенях между психопатией и нормальным состоянием», о том, что «психопатическое состояние может быть выражено в столь слабой степени, что при обычных условиях оно не проявляется». А в 1894 году бельгийский психиатр Далемагне выделил наряду с «неуравновешенными» (термин во французской психиатрии, аналогичный психопатии), еще и «легко теряющих равновесие». Такие случаи П.Б. Ганушкин называл «латентными психопатиями», а Г.К. Ушаков – «крайними вариантами нормального характера» [цит. по 10, с. 5-6]. Но наиболее удачный термин для

обозначения такого типа личности предложил немецкий психиатр К. Леонгард, введя понятие «акцентуированная личность» [11]. В нашем случае интерес вызывают не столько акцентуированные личности, сколько акцентуации характера. Именно типы характера, а не личность в целом, с ее способностями и наклонностями, описаны в монографии К. Леонгарда, где особенности характера отличают одну личность от других.

В противовес психопатиям акцентуации характера могут проявиться не везде и не всегда. Они могут обнаруживаться только в определенных условиях, в частности в маргинальных ситуациях. Одна и та же маргинальная ситуация может влиять на людей по-разному, т.к. их отличают не только индивидуальные черты, но и разница в развитии. Поведение человека зависит от того, в какой семье он вырос, в какой школе учился, кто он по профессии, в каком кругу осуществляется его жизнедеятельность. Акцентуация – это те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние. При большой выраженности эти черты накладывают отпечаток на личность как таковую и могут приобретать патологический характер, разрушая ее структуру [11, с. 40].

В акцентуированных личностях потенциально заложены как возможности социально положительных достижений, так и социально отрицательный заряд. Традиционно выделяют две степени акцентуации: явную и скрытую. Явная акцентуация отличается наличием выраженных черт определенного типа характера. Здесь могут наблюдаться временные нарушения адаптации. Что касается скрытой акцентуации, то в обычных условиях черты определенного типа характера выражены слабо или не выражены совсем. Но черты этого типа резко проявляются под влиянием обстоятельств, в том числе и маргинальных.

Феномен маргинальности относится к характеристике состояния личности, которая подвергается определенным испытаниям, вызванным переходом индивидов из одной социокультурной среды в другую. Наиболее выраженным случаем такого перехода являются нисходящая социальная мобильность и вынужденная миграция индивидов. В этом маргинальном состоянии личность, стремящаяся или вынужденная адаптироваться к новым социокультурным условиям жизни, испытывает напряженность, обусловленную неудачей адаптации. Процесс маргинализации не проходит безболезненно. Человек, сформировавшийся в одних условиях, усвоивший соответствующие ценности, оказывается во власти чувства тревоги, аномии, отверженности, обеспокоенности за свое будущее. В случае отсутствия обстоятельств, способствующих благоприятной адаптации маргинала, возможен взрыв отрицательной энергии и обращение к социально неодобряемым средствам достижения своих целей.

В свете рассмотренной проблемы можно предположить, что личности маргиналов соответствуют психологические характеристики, ярко выраженные у акцентуированных типов, демонстрирующих слабую сопротивляемость жизненным трудностям, дезорганизованность, беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение, переходящее иногда в ничем не обоснованную панику; отчужденность и неприязнь к другим людям; психическую дезорганизацию, бессмысленность существования, склонность к суициду; эгоцентричность, честолюбие и

агрессивность. Накопление психической взвинченности, отсутствие прочной системы ценностей, неудовлетворенность социально-бытовыми условиями – все это в отдельности и вместе вызывают состояние социальной отверженности личности. Однако не всякая личность приходит к такому состоянию, а скорее та, у которой выражена акцентуация характера. Таким образом, в свете вышесказанного можно предположить, что в условиях маргинализации общества наиболее уязвимой частью становится та, к которой мы относим акцентуированных личностей.

Склонность к девиантному поведению в условиях маргинальности чаще всего наблюдается у людей, относящихся к неустойчивому типу, а также к истероидному и гипертимному типам личности [10, с. 46].

Непременными атрибутами социальной маргинальности являются такие факторы, как бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, конфликты. Мировой опыт свидетельствует, что маргинализация стимулирует рост преступности, проституции, вызывает тягу к алкоголю, наркотикам, неупорядоченным сексуальным отношениям, как составляющим механизм компенсации отчуждения и аномии.

Кризисное состояние общества способствует процессу маргинализации всего населения, в результате появляется устойчивый слой социальных пауперов. Формируется «социальное дно», включающее в себя нищих, бомжей, беспризорных детей, алкоголиков, наркоманов и проституток – тех, кто ведет антисоциальный образ жизни. Чаще всего это «социальное дно» формируется из акцентуированных личностей.

В связи с вопросом о формах и способах реагирования на маргинальную ситуацию многие исследователи обращаются к проблематике совладающего поведения. Определение «совладание» грешит чрезмерной размытостью. К совладанию относят, например, механизмы «эмоциональной и рациональной регуляции человеком своего поведения с целью оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими намерениями» [12, с. 191]. Другая характеристика совладания – ее индивидуальное своеобразие. «Coping behaviour» есть индивидуальный способ взаимодействия человека с ситуацией в соответствии с ее логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями [12]. Отталкиваясь от этого определения, резонно поставить вопрос о существовании индивидуальных стилей поведения в маргинальной ситуации, будь то безработица, миграция или бедность. Несомненно, индивидуальный стиль поведения в маргинальной ситуации имеет место, но саму маргинальную ситуацию определяют факторы общественного развития.

Трансформационные процессы в условиях постсоветского пространства повлекли смещение психологических, политических, экономических, религиозных мотивировок маргинализации. В результате маргинализации в обществе растет напряженность, аномия, экстремизм. Социальная среда травмирует личность. Она пытается адаптироваться в меняющемся обществе, но эти попытки зачастую демонстрируют патологический характер.

Список литературы

1. Маргинальность в России. Коллектив. монография. – М.: Моск. общ. науч. фонд, 2000.
2. Атоян А.И. Социомаргиналистика. – Луганск: изд. отдел ЛИВД Украины, 1999.
На изломах социальной структуры / Галкин А.А. и др. – М., 1987.
3. Амирова А.А. Маргинальность в контексте социально-политической модернизации Казахстана. – Автореф. на соиск. степ. канд. полит. наук. – Алма-Ата, 2002.
4. Беккер Г. Аутсайдеры /Контексты современности – 2.– Хрестоматия. – Казань, 1998.
5. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л.: Наука, 1988.
6. Фрейд З. Психология Я и защитные механизмы. – М.: Педагогика, 1993.
7. Зелигман М. Э. Как научиться оптимизму. – М.: Вече, 1997.
8. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. – М.: Наука, 1984.
9. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1977.
10. Леонгард К. Акцентуированные личности. / Пер. с нем. – Ростов на Дону, изд-во «Феникс», 2000.
11. Либин А., Либина А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? // Стиль человека: психологический анализ. – М.: Смысл, 1998.
12. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behaviour» в системе понятий психологии личности // Психол. журн., 1997. – Т. 18. - № 5.

Поступило в редакцию 21 мая 2003 г.